

УДК: 159.9.016.1

DOI: 10.25629/НС.2023.03.08

ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СОЗНАНИЯ

Беляков М.А.

Ивановский государственный университет

Аннотация. В статье предпринята попытка показать сознание человека в виде целостного образования, несводимого лишь к биологической активности мозга. Высказывается мнение, что определение психики в качестве свойства материи не позволяет адекватно изучать сознание. Оно представляет собой систему культурных значений, которые всеобъемлюще определяют поведение и восприятие человека. Указывается, что сознание не формирует данные значения совершенно произвольно, всегда необходимо учитывать наличие сдерживающего фактора, преодолевая который, человек получает определенный вектор развития. Далее говорится о том, что существует область, свободная от культурных значений, которая и выступает в роли формообразующего фактора сознания, так или иначе влияя на возможные пути его эволюции. Затем обозначаются возможные теоретические и практические преимущества данного подхода. В завершении статьи указывается, что в качестве индикатора области свободной от значений, может выступать чувство одиночества, которое в такой трактовке открывает возможности для достаточно успешного ориентирования в культурной среде.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, культурная среда, культурные значения, стресс, одиночество.

Вступление

Для исследователя, занимающегося проблемой сознания, вероятно, не останется незамеченной достаточно яркая, можно даже сказать отличительная, черта данного явления. Пожалуй, ни одно другое определение не содержит в себе столько противоречий и оппозиционных черт:

- как идеальное оно находится в оппозиции к материальному;
- как осознанное – в оппозиции к бессознательному;
- как проявление исключительно человеческой психики – в оппозиции к психике животных;
- как состояние бодрствования – в оппозиции к состоянию сна;
- как механизм, как процесс или как состояние – в оппозиции друг к другу...” [2, с. 100].

Как видно, сознание является достаточно многогранным явлением – его можно изучать с разных точек зрения и по различным основаниям. Нас же будет интересовать одно из наиболее базовых оснований для исследования – попытаемся выяснить, чем, по сути, является сознание – исключительно биологическим образованием, в основе которого лежат только биологические механизмы, либо же оно является чем-то большим, несводимым к простейшим физиологическим функциям.

Данный вопрос не является столь однозначным, как могло бы показаться на первый взгляд. Если мы рассмотрим одни из наиболее влиятельных современных теорий сознания, то заметим значительные расхождения в его трактовке.

Многие авторы склонны отождествлять сознание исключительно с деятельностью мозга. Здесь можно назвать таких авторов, как Даниэль Деннетт (теория множественных проектов), который исключает из понятия сознания его феноменальное содержание, Джон Сирл (концеп-

ция биологического натурализма), утверждающий, что сознание – это естественный биологический феномен, сопоставимый с произрастанием, пищеварением или секрецией желчи и Франсиско Варелла (нейрофеноменологический подход), предложивший идею «воплощенного познания», согласно которой разум возникает не на абстрактном ментальном уровне, но обязательно воплощен в биологическом, движущемся, действующем теле [9].

В качестве авторов, придерживающихся иной точки зрения по проблеме сознания можно назвать, например, Дэвида Чалмерса (натуралистический дуализм), который считает, что сознание является фундаментальным, но не физическим свойством вселенной и Макса Велманса (рефлексивный монизм), предполагающего, что весь воспринимаемый мир представляет собой перцептуальную проекцию, разновидность виртуальной реальности, и не может мыслиться как отдельный от сознания [1].

Теории данных авторов являются в большей степени философскими, нежели эмпирическими, то есть они предлагают достаточно интересные концепции, но довольно часто не предоставляют конкретных способов их фактической проверки.

Если же мы обратимся к ведущим эмпирическим теориям, основанным на конкретном фактическом материале, то заметим, что все они, в основном, заняты поиском нейрональных коррелятов сознания и, хотя и неявно, но придерживаются точки зрения, что сознание – это особенность мозговой активности, считают, что оно в буквальном смысле находится в мозге. В качестве примера назовем теорию глобального рабочего пространства Бернарда Баарса, нейробиологическую теорию Крика и Коха, и теорию таламокортикальной связи Родолфо Льянаса [9].

Методологические проблемы психологии

Можно заметить, что существует большой разброс мнений относительно природы сознания. Вероятно, отголоском такого положения дел выступают проблемы, связанные с неясностью предмета самой психологии. Классическое определение психики, как свойства высокоорганизованной материи, заключающейся в ее способности системным образом отражать окружающую действительность, нельзя назвать удачным, поскольку оно не дает достаточно ясного представления об определяемом предмете.

Прежде всего нас интересует вопрос, о какой именно материи говорится в данном определении? Скорее всего, в нем зафиксировано позитивистское представление о материи и под ней подразумевается биологическая живая ткань, которую мы можем непосредственно потрогать. Благодаря ее взаимодействию с окружающим миром, в результате способности к самодвижению, возникает системное свойство, которое определяют в качестве психики. Однако, если мы обратимся к истории возникновения определения материи, то заметим, что такой взгляд на ее природу не является единственным и можно дискутировать по данному вопросу.

Одни из первых, дошедших до нас, определений материи можно встретить в трудах философов Древней Греции. Мы не будем рассматривать здесь все сформулированные тогда определения, поскольку это выходит за рамки темы нашей статьи, а коснемся довольно интересного понимания материи, которое можно встретить в трудах Платона, в частности, в диалоге «Тимей» [8]. По Платону материя – это мать, “восприимница и как бы кормилица всякого рождения”, то, что всему придает форму, но при этом всегда остается чем-то иным по отношению к тому, что она родила, то есть сама не имеет никакой формы. Свою мысль Платон разъясняет на примере отлитых из золота фигур. Например, мы можем придать золоту форму круга, треугольника, квадрата. Ни одна из этих форм не является имманентно присущей золоту, всегда есть возможность ее заменить какой-то другой. Но что же тогда придает золоту различные формы? Согласно Платону этим может быть только то, что само всегда является чем-то иным по отношению к проявившемуся образу, что не привносит в него ничего своего и не детерминирует его таким образом.

В целом, платоновское определение материи можно назвать поэтическим, являясь достаточно красочной метафорой, оно слабо приспособлено для естественнонаучных исследований, поскольку непонятно, как исследовать то, что не имеет никакой формы и подвержено постоянному изменению. Поэтому, в дальнейшем, под материей, в основном, понимают материал,

некий первичный субстрат из которого происходят все вещи. Однако, такое понимание не решает замеченной Платоном проблемы – как из некоей первоосновы появляется бесконечное многообразие вещей? Почему такая первооснова не детерминирует собой все последующие вещи, не приводит их в некое неотличимое единство?

Довольно изящное решение данной проблемы можно найти в трудах Фридриха Гегеля [5]. Вечно иным по отношению к какой-либо вещи является не что иное, как ее противоположность. Благодаря преодолению такой противоположности в процессе отрицания отрицания возникает момент развития, который приводит к появлению чего-то нового. Для Гегеля первичной связкой противоположностей выступает некий предмет и знание о данном предмете. Они противопоставляются друг другу, поскольку лежат по разные стороны относительно познающего сознания. Сходство же их заключается в том, что предмет невозможен, не существует без знания о нем, а знание, в свою очередь, невозможно без некоего истинного предмета. В основе гегелевского понимания иного лежит довольно строгая логическая операция – дихотомическое деление. Говоря о том, чем какой-либо предмет является, а также, что не менее важно, о том, чем он не является, у нас появляется возможность на стыке двух противоположностей увидеть достаточно четкие границы интересующего нас предмета, мы можем буквально объективировать его для нашего сознания.

Этим небольшим экскурсом в историю философии нам бы хотелось отметить, что, хотя биологический организм и обладает способностью к самодвижению, тем не менее, не стоит забывать, что он никогда не движется абсолютно произвольно. Всегда существует сдерживающий фактор, преодолевая который, постоянно появляются все новые формы живого. Благодаря дихотомическому делению, пониманию того, что является живым и что им не является, мы можем достаточно четко определить границы живой природы. И если позитивистский взгляд на психику приводит к очень большому разбросу мнений относительно различных психических явлений и, в частности, сознания, то следует, вероятно, применить иной подход – смотреть не только на то, что есть, что мы можем потрогать, но также и на то, что недоступно непосредственно взору.

Сознание в контексте культурно-исторической концепции Л.С. Выготского

Возникает вопрос, как соотносится дихотомия живое-неживое с нашим сознанием. Является ли его функционирование подчиненным единственной цели – отрицанию смерти биологического тела и ни о каких проявлениях сознания невозможно говорить после физической смерти его носителя?

Если мы обратимся к традиции отечественной психологии, в частности, к культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, то увидим, что человек представляет собой нечто большее, нежели просто биологический организм. Согласно концепции Льва Семеновича, в своем развитии человек следует двум путям развития – биологическому и культурно-историческому, каждый из которых имеет свои закономерности и не сводится к другому [4]. Продолжая оставаться биологическим существом, человек в то же самое время погружен в пространство культурных значений, которые опосредуют его поведение. Но насколько глобальна такая зависимость? Как ее измерить? Быть может она совсем незначительна и восприятие человека, опосредованное культурными значениями, ничем не отличается от субъективных переживаний животных?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам представляется достаточно перспективным подойти с позиций свободы воли. Ответить на вопрос, как именно культурные значения ограничивают волю человека, в какой степени наше сознание подчинено их влиянию.

Процесс культурного влияния начинается уже при рождении ребенка. На свет появляется совершенно неприспособленное существо, у которого нет практически ни одного инстинкта, позволяющего ему выжить в окружающей среде: “Если бы рядом с новорожденным не было взрослого человека, то через несколько часов это существо должно было бы погибнуть” [7, с. 245]. Выживание младенца напрямую зависит от заботы его родителей.

На наш взгляд такая зависимость от родителей порождает первую степень несвободы человека – его знакомство с культурой начинается с тех значений, которые выбирают для него родители. У ребенка в данном случае нет выбора – у него нет инстинктов, которые помогли бы ему выжить. Единственный способ продолжить существование для него – принять те значения, которые предоставляют ему родители. Младенец никогда не является изначально активным существом, способным самостоятельно развиваться во взрослого человека. При рождении он всегда пассивен, и лишь интериоризирует из внешнего мира необходимые для выживания значения.

Интересный момент связан и с самими культурными значениями – имеют ли они абсолютно свободный характер формирования в сознании человека? Несмотря на то, что наши субъективные переживания, чувствование мира, вероятно уникальны и не совпадают с переживаниями ни одного другого человека, описывать мир мы можем, пользуясь только значениями культуры. Для нас никогда не существует просто совокупности субъективных переживаний, но всегда в окружающем мире будут присутствовать культурно определенные *земля, деревья, небо*. К примеру, если при взаимодействии с другим человеком я попытаюсь передать ему только мои субъективные переживания, мое чувствование мира, без соотнесения с культурой, то у меня ничего не получится. Во-первых, я даже не знаю, чем мне пользоваться для такого описания, не знаю, что в моем восприятии окружающего мира безусловно соотносится с тем или иным предметом, относится только к нему и ни к чему другому. Во-вторых, даже если мне и удастся это выразить с помощью каких-то телодвижений или звуков, то другой человек ничего из этого не поймет, но зато у него в голове сложится вполне определенная картина, стоит мне назвать тот или иной предмет окружающего мира, иначе говоря, соотнести его с уже имеющимися культурными значениями.

Следующая степень несвободы наблюдается в самом характере появления понятий. Ни одно определение не имеет абсолютно свободного характера формирования. Наиболее удобный и распространенный способ – название родовой принадлежности и выделение видового отличия. Иначе говоря, для того, чтобы определить какой-либо предмет, мы должны сначала соотнести его с чем-то похожим, чтобы затем, на основании этой схожести задать, специфику отличия. Другой способ – описательный, он сводится к тому, что мы наделяем какой-либо предмет знакомыми характеристиками, описываем его через простую совокупность знакомых свойств. В данном случае также происходит соотнесение предмета с чем-то уже известным. В качестве примера приведем цитату: “Мы знаем, что наши слова не выдуманы... язык возник не из условно изобретенных слов и не из того, что люди условились, например, называть окно окном... Если нам еще не понятно, почему слова «ворон» и «голубь» относятся к этим птицам, то уже в словах «вороной» и «голубой» это для нас вполне ясно, потому что «вороной» значит черный, а «голубой» – светло-синий... В современном языке мы находим две группы слов: в одной группе слова имеют образ, в другой – нет. Сравнивая слово «капуста» со словом «подснежник», Потебня отмечает, что эти слова как будто принадлежат к двум различным классам, ибо со словом «подснежник» связывается определенный образ (цветок, вырастающий под снегом...), а название «капуста» кажется произвольным. Но это только фенотипически, генетические же исследования показывают, что всякое слово имеет свой образ, но образ часто затуманен, хотя этимологию каждого слова можно восстановить. Слово «капуста» связывается с латинским словом *caput* – «голова». Капуста имеет внешнее сходство с головой, только мы забыли или не знаем это связующее звено...” [4, с. 171-172].

Из указанных особенностей формирования понятий, вероятно, также можно вывести и еще такую форму зависимости человека от культуры – все люди вынуждены пользоваться теми значениями, которые задает первооткрыватель какого-либо явления. Разумеется, позже они конкретизируются и уточняются, однако, за каждым новым значением всегда стоит первооткрыватель с собственным культурным багажом знаний.

На наш взгляд, указанные выше степени несвободы человека от культурных значений позволяют говорить о том, что он не просто подвержен их влиянию, а тотально от них зависим.

Следует заметить, что мы проводим достаточно явные аналогии между функционированием культурных значений в области сознания с особенностями развития биологических организмов в природной среде: и в том и в другом случае начальные параметры определяются родителями, в обоих случаях существует родственная связь с предыдущими поколениями, наконец, и там и здесь развитие на новом пространстве зависит от первоначальных параметров особи, впервые зашедшей на неизведанную территорию. Данные аналогии, конечно же являются очень грубыми, однако, ими мы хотим продемонстрировать, что существует качественно иной, более высокий, но все же генетически связанный с предыдущим, уровень функционирования человека. Его (человека) совершенно нельзя рассматривать как исключительно биологическое существо, не упуская при этом специфики предмета исследования. Человек полностью погружен в культурную среду, немислим без нее. Природная среда уже не выступает по отношению к нему в роли ограничивающего, формообразующего фактора.

Взаимодействие с внешней средой строится в основном по принципу контроля со стороны человека. Особенно это заметно в городах, где человек живет в исключительно комфортных условиях и давление со стороны внешней среды сведено к минимуму. Так, если городской житель оказывается по каким-то причинам «выкинут» в дикую природу (например, в результате авиакатастрофы), то давление среды на человека становится максимальным, и он, скорее всего, погибнет, если ему не оказать вовремя помощь или если он не прошел специального обучения. Возникает парадокс – большинство представителей вида живут в окружении среды, к которой они практически не приспособлены. Это возможно только в том случае, если они с ней взаимодействуют не по принципу приспособления, а по принципу контроля. Основная же функция контроля, на наш взгляд – сохранение чего-либо в неизменном состоянии, он не предполагает постоянных серьезных изменений.

Формообразующий фактор сознания

Вероятно, более правильным и полезным для ясного понимания предмета, когда мы говорим о сознании, применять не дихотомию «живое-неживое», а ту, которая отрицает наличие культурных значений. То есть сознание в своем функционировании противопоставляется не смерти, а отсутствию значений, и, вероятно, более точной дихотомией по отношению к сознанию будет «значимое-незначимое». Противопоставляя себя области, пустой от значений, сознание непрерывно порождает все новые и новые культурные формы.

Следует отметить, что такое противопоставление уже имеет место в психологии. Разумеется, мы имеем в виду психоанализ, где в структуре психики, наряду с областью сознания присутствует также и область бессознательного, обозначающая инстинктивные влечения, оказывающие деструктивное влияние на поведение человека. Вероятно, можно расширить данный термин – понимать под бессознательным не только то, что подспудно влияет на сознание, но также и возможные будущие области развития, не оказывающие никакого влияния на поведение и сознание человека в данный момент.

Вообще, нам представляется, что необходимо отойти от демонизации инстинктивных влечений (ведь в природе они несут положительную роль) и придать области бессознательного исключительно нейтральную окраску – обозначать данным понятием лишь то, что так или иначе не урегулировано культурными значениями. Возможно, что отождествление бессознательного с областью инстинктивных влечений и придает ему некий привлекательный ореол таинственности и загадочности, однако, при этом сокращаются возможности для его рационального исследования.

Интересно, что очень похожее с бессознательным понятие, в том значении, которое мы предлагаем выше, можно встретить в довольно близкой психологии сфере социального познания, где оно носит исключительно функциональное назначение. В частности, в юриспруденции, для обозначения области, не урегулированной в законах, используется понятие «пробела в праве». Нам представляется достаточно удачной возможностью заимствования смысла данного понятия в психологию для обозначения области бессознательного. По сути, юридические

законы – это культурные значения, выполняющие функцию регуляторов социального взаимодействия людей. Человека, связанного законами, уже нельзя рассматривать как биологическое существо, управляемое инстинктами. Регулируя свое поведение, он обязан подчиняться требованиям, которые на него налагает общество и культурное пространство, разумеется, если не хочет столкнуться с последствиями своего недетерминированного поведения. Однако, поскольку иногда возникают несоответствия между старыми и новыми юридическими нормами или законодательные органы не успевают фиксировать в законах вновь появившиеся общественные отношения, то возникает необходимость обозначать данные состояния неопределенности через понятие пробела в праве.

Применительно к психологии, отличия от юридического термина заключаются в том, что сознание представляет собой совокупность всех культурных значений, а не только тех, которые зафиксированы в законах. Кроме того, большая часть культурных значений формируется гораздо более стихийно, нежели правовые нормы и в большинстве случаев их появление не предполагает длительной сознательной работы по согласованию с уже имеющимися.

Теоретические преимущества предложенного подхода

Возникает вопрос, какие перспективы для дальнейшего исследования открывает обозначенное выше противопоставление сознательного и бессознательного как двух взаимоисключающих областей и представление человека в виде своеобразного психического организма, погруженного в среду культурных значений? Представляется, что придумать и подвести теоретическую базу можно практически к чему угодно. Но как эта теоретическая база будет воплощаться в реальности? Как можно изучать область, свободную от каких-либо значений? Быть может проще признать, что данная область не является значимой и не умножать сущности без надобности?

Мы считаем, что предлагаемый подход все же имеет определенную ценность для теоретического описания психики. Выше мы довольно негативно оценивали классическое определение психики в качестве свойства материи – это делает данное понятие крайне расплывчатым, а границы его применения неясными. Некоторые авторы, как указывалось вначале статьи, даже умудряются «размазывать» психику посредством сознания до пределов всей вселенной. Возможно, что такой антропоцентрический подход и позволяет почувствовать исключительную важность человека для всего мироздания, но ничего не говорит о том, как изучать столь расплывчатое свойство. Кроме того, возникает впечатление, будто психика появляется одновременно с возникновением жизни. Например, низший уровень элементарной сенсорной психики, проявляющийся в раздражимости, отмечается у простейших, но не фиксируется у вирусов, которых обычно не относят к живым существам. Можно сделать вывод, что жизнь и психика уравниваются друг с другом и одно свойство невозможно без другого. Но почему происходит разделение этих терминов? Почему нельзя отказаться от одного термина в пользу другого и, например, психологию свести к биологии или, наоборот, биологию к психологии? Но откуда тогда возникают замечания о невозможности сведения психики к низшим физиологическим проявлениям?

На наш взгляд, необходимо разделять понятия психики и жизни. Для этого следует противопоставить существующей теоретической неопределенности системный подход. Обозначая значение в качестве неотъемлемого элемента психики как системы, мы можем достаточно четко обозначить ее границы. Там, где нет такого элемента, нельзя говорить о психике в качестве функционирующей системы. В соответствии с таким подходом не все живые организмы являются психическими существами. Те биологические существа, у которых нет внутренней картины мира, не функционирующей в отрыве от биологического тела системы значений, нельзя называть обладающими психикой. Только живыми, но не психическими биологическими существами, на наш взгляд, являются простейшие, а также растения и грибы. Конечно, нельзя утверждать, будто они вовсе не обладают внутренней картиной мира. На это указывает, в частности, необходимость поддержания ими гомеостаза для нормального функционирования. Однако, такой суррогат психики полностью подчинен биологической ткани и

не функционирует независимо от нее. В качестве дополнительного индикатора наличия психики ранее мы указывали инсайт [3], благодаря которому психические организмы способны достаточно свободно изменять структуру внутренней картины мира.

Практические преимущества предложенного подхода

Помимо теоретической ценности предлагаемый нами подход имеет и определенную практическую значимость для исследований. Несмотря на то, что область бессознательного, в соответствии с нашим определением, находится за пределами сознания и, на первый взгляд, не должна оказывать на него никакого влияния, мы считаем, что ее воздействие очень значительно и можем предположить по крайней мере одно явление, непосредственно с ней связанное.

Однако, прежде чем его описывать мы должны остановиться на некоторых вопросах, разъяснение которых позволит лучше задать направление нашего дальнейшего рассуждения.

Выше мы сравнивали функционирование культурных значений в сознании человека с особенностями жизнедеятельности биологических организмов в природной среде. Хотя мы и обозначили некоторые аналогии, однако, следует признать, что они довольно грубы и следует всегда учитывать, что имеются значительные различия между человеком и животным, поскольку они находятся на разных уровнях организации.

Так, субъективное переживание какого-либо животного, то, как оно воспринимает окружающий мир, всегда исчезает при его смерти. Несколько похожее восприятие мира, начальные параметры (инстинкты и безусловные рефлексы), сохраняются у других особей данного вида. Однако, стоит природной среде измениться, и популяция, вместе с ее уникальной картиной мира, также должна измениться либо погибнуть. Фактор смерти, таким образом, оказывает существенное влияние на психическую реальность животных – он показывает ее эффективность. Если популяция процветает, то психическая реальность является устойчивой, адекватно отражающей окружающую реальность. Если вымирает, то это означает, что картина мира популяции неадекватна окружающей действительности и должна исчезнуть.

Иная ситуация происходит, когда мы говорим о культурных значениях. Фактор смерти уже не оказывает здесь существенного влияния. Уникальная картина мира может сохраняться после смерти ее носителя в виде различных записей, рисунков, а с недавнего времени и видеофайлов. Разумеется, она несколько видоизменяется благодаря интерпретациям, однако, ее суть, «ядро», остается практически в неизменном виде.

Например, в чем разница между такими, на первый взгляд несопоставимыми понятиями, как мороженое и водородная бомба? Если мы возьмем сто человек, не имеющих психических отклонений, и объясним им суть обоих понятий, избегая сложных технических терминов и технологий производства, то у всей сотни в голове появится образ, идея наших примеров. С точки зрения биологических критериев разницы между водородной бомбой и мороженым нет, оба понятия с одинаковой эффективностью отображаются в сознании людей, следовательно, оба равно перспективны и требуют дальнейшей разработки. Однако, почему после создания водородной бомбы у ее изобретателя изменилось мировоззрение и остаток жизни он посвятил борьбе с последствиями своего изобретения – поступок, безусловно благородный и заслуживающий уважения, в то время как создателя мороженого никто не знает и, вероятно, с большим недоумением воспринималось бы его стремление запретить свое творение? Следовательно, разница между двумя изобретениями есть, но в чем она проявляется? Можно предположить, что отбор культурных значений происходит по несколько иным критериям, нежели в животном мире.

Вероятно, на это положение нам заметят, что основным мерилom эффективности того или иного культурного новшества является то, насколько эффективно оно удовлетворяет потребности людей – чем больше людей чувствует нужду в каком-либо изобретении, тем более эффективным оно является. Закон спроса и предложения является одной из основных движущих сил экономического развития в любой стране мира. Трудно не согласиться с этим утверждением, мы лишь хотим обратить внимание на то, что, когда мы говорим о культурном пространстве, то биологический фактор – удовлетворение биологических потребностей, вероятно, не

играет первостепенного значения. Кроме того, ориентирование в культурной среде с помощью закона спроса и предложения происходит, как правило, уже постфактум. Нас же интересует способ, благодаря которому каждый конкретный человек здесь и сейчас может определять, что для него является значимым, а что – нет.

Следует отметить интересную особенность – успехи современной медицины привели к тому, что мы можем практически любой орган нашего тела заменить искусственным. Возможно установить искусственное сердце, глаза, конечности и это практически никак не скажется на сознании человека с искусственными органами – помимо возможных моральных страданий, связанных с его непохожестью на других людей, он будет ощущать себя тем же человеком, что и до операции. Вероятно, возможна замена абсолютно всех органов тела, за исключением мозга, и человек по-прежнему будет ощущать себя человеком, то есть наличие биологического тела не критично по отношению к его сознанию.

Рассмотрим данную абстракцию – сознание в окружении только искусственной, культурной среды (оговоримся, что полностью абстрагироваться от биологических функций невозможно – люди не могут находиться длительное время в условиях сильной сенсорной депривации [6]). В данном случае мы можем говорить о сознании, как о некоей целостности, которой необходимо поддерживать устойчивость и эффективно ориентироваться в окружающем пространстве. Каким образом будет происходить развитие в данном случае, если человек не сможет опереться на свои биологические особенности? Как он будет выбирать, что для него имеет первостепенную важность, а что нет? С равной силой развивать все имеющиеся направления? Но ресурсы не являются безграничными, всегда необходимо выбирать что-то наиболее важное. Также необходимо избегать путей развития, ведущих к гибели. Быть может с утерей биологического тела прекратится всякое развитие? Но почему тогда возможна пересадка искусственных органов и разве человек никогда не мечтал возвыситься над своей биологической природой? Нам представляется очень важным решить, каким образом человек мог бы ориентироваться в условиях указанной абстракции – понимать, при каких условиях он остается тождественным самому себе, а при каких – его сущность меняется, и он становится уже кем-то другим. Таким образом мы сможем достаточно четко показать проявление области культурных значений в сознании человека, а также показать границы соприкосновения с областью, пустой от значений.

Надо заметить, что в природной среде животное всегда понимает, когда оно соприкасается с неблагоприятными условиями. Организм животного – достаточно сложная система, все элементы которой находятся в определенной взаимосвязи по отношению друг к другу. Наиболее оптимальным для животного является состояние гомеостаза, когда все элементы его организма находятся в равновесии и животное благоприятно себя чувствует. Стоит нарушить данное равновесие и у животного сразу же возникает неспецифическая реакция в виде стресса, говорящая о том, что оно находится в изменившихся, зачастую неблагоприятных условиях и следует предпринять определенные действия по их избеганию – проявляется реакция «нападай или убегай» [11]. Очевидно, что стресс очень полезен для животного, представляет собой своеобразную «подушку безопасности», позволяющую животному избегать встреч со смертельными стимулами. Причем животное может ничего не знать о характеристиках данных стимулов, не вырабатывать на каждый из них соответствующую условную реакцию, но стоит им вывести его организм из состояния гомеостаза и животное понимает, что необходимо с известной осторожностью относиться к стрессогенному стимулу.

Довольно интересно появление такой предустановленной неспецифической реакции на стимулы, о которых животное ничего не знает, но с которыми может когда-либо встретиться. Происходит сильная экономия ресурсов – животному уже не нужно тратить силы на всестороннее изучение каждого нового стимула и погибать, если он представляет для него опасность. Весь организм в целом, элементы которого находятся в определенном равновесном состоянии, представляет собой достаточно эффективную систему по изучению окружающей среды.

Выше мы попытались представить сознание как некую целостность в отрыве от биологического тела. Вероятно, оно по-прежнему будет представлять живую систему, одной из основных задач которой является поддержание собственного гомеостаза. Можно предположить также, что, как и в случае с организмом животного, будет возникать неспецифическая реакция в ответ на какое-либо нарушение равновесия. Вероятно, она будет отличаться от стресса, поскольку не будет опираться на физиологические особенности тела. Мы считаем, что такая реакция вполне представлена и доступна наблюдению. Под неспецифической реакцией, возникающей в ответ на нарушение гомеостаза сознания мы понимаем чувство одиночества.

Первоначальная трактовка данного феномена предполагает рассматривать его в качестве состояния, возникающего при отсутствии физических партнеров для общения. Однако, исследователь, более тщательно изучающий данное явление, заметит, что оно не столь поверхностно, как кажется на первый взгляд. Так, одиночество нельзя отождествлять с состоянием физической изоляции, поскольку известны случаи добровольного уединения, при которых данный феномен не наблюдается. Изоляция может лишь способствовать одиночеству, однако, для человека оно выступает прежде всего в виде комплексного и острого чувства, выражающего определенную форму самосознания. Комплексность данного чувства является следствием того, что феномен одиночества имеет сложную и неоднородную структуру. Выделяют до четырех измерений одиночества – космическое, культурное, социальное и межличностное, причем, если человек переживает данное чувство сразу в нескольких измерениях, то у него может возникнуть достаточно острое состояние аномии – ощущение ненормированности и дезорганизации окружающего социального пространства [10].

Существует также большое (около десяти) количество подходов по изучению одиночества. Наша трактовка одиночества перекликается с общесистемным подходом Фландерса, где оно понимается как механизм обратной связи, помогающий индивиду или обществу сохранить оптимальный уровень человеческих контактов [12]. Соглашаясь с тем, что одиночество является механизмом обратной связи, мы бы хотели использовать его в контексте нашего исследования также в качестве механизма, позволяющего обозначить область, пустую от культурных значений.

На наш взгляд, в момент переживания одиночества, человек соприкасается с данной областью, а это, в свою очередь, открывает возможности для ее изучения. Если мы вновь проведем аналогии с живой природой, то увидим, что можно достаточно хорошо описывать характерную среду обитания какого-либо животного, если замечать, в каких случаях оно испытывает стресс. К примеру, если нас попросят описать животное, о котором известно только, что оно испытывает сильнейший стресс при опускании его в воду, пребывании в помещении, температура в котором опустилась ниже нуля градусов по Цельсию, а также в присутствии хищника, то мы, даже не видя данное животное, можем достаточно уверенно заключить, что оно является сухопутным травоядным обитателем экваториальных широт.

Здесь следует оговориться, что применять такой естественнонаучный подход напрямую, «в лоб», применительно к сознанию нельзя. Судить о проявлениях сознания человек может лишь косвенно. Кроме того, оно является более сложной и высокоуровневой системой, в сравнении с биологическим телом, а значит, требует более сложной и, что немаловажно, более гуманной исследовательской процедуры.

Заключение

В заключение отметим, что данной работой мы лишь хотели обратить внимание на то, что имеются иные, отличные от позитивистских, способы познания окружающей действительности. Конечно, нельзя утверждать, что чувство одиночества в том виде, в каком оно сейчас представлено в сознании человека, дает возможность четко и однозначно трактовать культурную реальность. Однако, получилось так, что в процессе эволюции биологические организмы выработали довольно стандартизированный и широко распространенный механизм, позволяющий эффективно ориентироваться в окружающей среде. Возможно, что и человек, полагаясь исключительно на возможности своего разума, сможет создать эффективные средства по ориентированию в культурной среде.

Библиография

1. Акопов Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – М.: Институт психологии РАН, 2010.
2. Аллахвердов В.М. Поддается ли сознание разгадке? // Психология сознания / Под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. С. 98–108.
3. Беляков М.А. Роль инсайта в эволюции психики // Человеческий капитал. – 2019. – № 6. – С. 59-68.
4. Выготский Л.С. Проблемы развития психики. Собрание сочинений. Т. 3. – М.: Педагогика, 1983.
5. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000.
6. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. – М.: Медицина, 1972.
7. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник для вузов. – М.: Высшее образование, 2006.
8. Платон. Тимей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://royallib.com/read/platon/timey.html#0>. (Дата обращения: 16.04.2021).
9. Ревонсуо А. Психология сознания / Пер с англ. А. Стативка, З.С. Замчук; под ред. Е.И. Николаевой. – СПб.: Питер, 2013.
10. Садлер У.А., Джонсон Т.Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С. 21–51.
11. Сапольски Р. Психология стресса / Пер с англ. М. Алиева; под ред. Е.И. Николаевой. – СПб.: Питер, 2015.
12. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: Автореф. дис... доктора философских наук (09.00.11). – Ижевск, 2006.

FORM-GENERATING FACTOR OF CONSCIOUSNESS

Belyakov M.A.

Ivanovo State University

Abstract. The article attempts to show the consciousness of a person in the form of a holistic formation, which cannot be reduced only to the biological activity of the brain. An opinion is expressed that the definition of the psyche as a property of matter does not allow an adequate study of consciousness. It is a system of cultural meanings that comprehensively determine the behavior and perception of a person. It is indicated that consciousness does not form these values completely arbitrarily, it is always necessary to take into account the presence of a constraint, overcoming which, a person receives a certain vector of development. Further, it is said that there is an area free from cultural meanings, which acts as a form-building factor of consciousness, one way or another influencing the possible ways of its evolution. Then the possible theoretical and practical advantages of this approach are indicated. At the end of the article, it is indicated that the feeling of loneliness can serve as an indicator of the area free from meanings, which, in this interpretation, opens up opportunities for quite successful orientation in the cultural environment.

Keywords: consciousness, unconscious, cultural environment, cultural meanings, stress, loneliness.